

355567

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

И 457

О.Х.Л.

В. ИЛЬЕНКОВ

ЖЕНЩИНА

ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБКОМА ВКП(б)
САРАТОВ

1947

Товарищ!

Прочитай эту книжку вслух у себя на заводе или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу на тему: гитлеровские мерзавцы ответят за все свои злодеяния, их ожидает суровое возмездие.

За железнодорожным переездом дорога идет в гору, к деревне Аникоево. Дорога покрыта настиллом из уложенных поперек тонких бревен,—деревянная фронтальная дорожка, по которой день и ночь ползут автомашины. Воя и дымя, они карабкаются по настиллу на гору, пересчитывая бревна колесами; бревна, как клавиши рояля, западают, потом подсакиваются, издавая глухой стук и жалобно всхлипывая,—это звучит жидкая глина, вылетающая из-под колес желтыми фонтанчиками. Глиной обрызганы кусты репейника, растущие по обочинам дороги, отяжелевшие от множества пунцовых цветов.

Лениво покачиваются жирные широкие листья репейника, похожие на уши слона. Пунцовые цветы его горят по склону глинистого обрыва, висящего над дорогой, а над обрывом стоит девочка лет десяти—двенадцати и держит за руку мальчика. Щеки у него пухло-водянистые, бледные и в темных потеках слез. Он смотрит исподлобья, угрюмо глядя вниз, на проходящие машины.

— А вон машины идут-ут, — параспев говорит девочка, как говорят с детьми старые няньки.—Все идут-ут... идут на войну... А там палка-а наша... Он скоро придет и гостинчика привезет-от... Конфетку привезет-от Стешушке...

— Хле-ебушка дай! Хлебушка-а!—вдруг взвизгив-

вает Степушка, заливаясь слезами. Он трясет руку девочки, трясет требователью, настойчиво, озлобляясь:—Да-ай! Да-ай!

— А вот одна машинна застря-ала... Ишь как вост: у-у-у... А дыму-то, дыму!—но обращая вниманья на плач мальчика, продолжает девочка тем же ровным напевным голосом.

Лицо у нее состоит из каких-то острых уголков, будто сложено из кусочков разбитого стекла: у нее острый носик, заостренный подбородок и уголком надвигнут на лоб выцветший ситцевый платок, завязанный косичами сзади, на тоненькой шее. И всё это прозрачно, прозрачнее, как стекло: и блеклоголубые глаза, и кожа на впалых щеках, и тонкие ноздри. У нее лицо женщины, у которой большая семья и мало хлеба, которая давно свыклась с детским надеждным плачем, отупела от него, от одной, неотвязной думы. И она бесстрастным голосом тинет:

— А вон лоша-адка понла-а... Траву щиплет... Хвостиком маха-ает...

Степушка сквозь слезы смотрит на оседланную лошадь, пасущуюся за дорогой. Лошадь, пофыркивая, задно рвет траву, отмахиваясь хвостом от оводов. Лошадь ест, и Степушка снова раздражается плачем.

— Да-ай! Хлебушка-а...

Девочка замечает на обрыве цветы репейника, горящие на солнце, как огоньки. Убога красота сорной травы, но нет иной красоты на глинистых обрывах деревни Ашикеево, на пустырях, заросших сорняками, на огородах, где давно уже расплылись грядки, где растет лишь бурьян да лебеда.

— А вон цветики красные... Словно уголечки светятся... А листья широ-окие, разлопушились. Парву

355567

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

я Степушко цветиков... «Собачек» парву зелененьких, и будем мы, Степушка, играть, «собачек» гонять.

Девочка спускается с обрыва, придерживая за руку мальчишка. Они почти скрываются в зарослях рпейника, только головы их видны среди широких листьев — платочек, повязанный уголком, и белые, выгоревшие волосы Степушки, и две эти головки торчат из рпейника, как безрадостные, придорожные цветы.

Внизу на дороге фырчит и воев застрявший грузовик, и пар бьет из радиатора, как из самовара. Два шофера в замазанных гимнастерках, красные, потные, пытаются сдвинуть машину с места, но колесо сползло с шаката, врезалось в глину и крутится, как бешеное, обдавая людей брызгами жидкой глины.

— Вода вся выкипела, выключай мотор, — говорит шофер с черными густыми усами другому — маленькому, краснощекому юноше.

Юноша выключает мотор и, вытирая с лица грязь, осматривается. Он видит привычную картину запустевания, вдоль фронтовых дорог вместо деревень — пустыри, заросшие сорняками; нет даже колодцев, а в радиатор нужно налить воды.

Юноша видит среди темнозеленых листьев и пунцовых цветов две детских головешки и кричит:

— Эй, ребятинки! Где у вас тут колодец?

Девочка приближается, ведя за руку Степушку.

— Тебя как кличут, дочка? — улыбаясь спрашивает юноша.

— Татьяна Губина, — отвечает девочка серьезно, не отзываясь на улыбку, и юноша, взглядываясь в ее застывшее, составленное из острых осколков лицо, перестает улыбаться.

Его товарищ с черными усами задумчиво смотрит

на детей, особенно пристально на Степушку, и вдруг спрашивает его:

— Есть хочешь?

Степушка молчит, но в глазах его возгорается такой огонь неистового желанья, что усатый быстро стаскивает с машинны мешок и развязывает его. Степушка не спускает с мешка своего взгляда, его губы судорожно движутся и высовывается кончик языка. Но лицо Татьяны остается попрежнему застывшим, бесстрастным—ни радости, ни удивления, словно она знала, что рано или поздно их напормят проезжие.

— Степушка, скажи спасибо, — говорит она, но Степушка уже набил рот хлебом и пыхтит, не обращая внимания на нее.

— А где мать?—спрашивает усатый, не отрываясь взглядом от Степушки.

— Померла. Она тифом при немцах хворала. А померла позавчера,—в голосе девочки ни печали, ни боли.—Военная докторша была, говорила: «У твоей мамки сердце оборвалось»...

— А как же вы-то живете?

— Так и живем. В землянке возле колодца. Только ту воду пить нельзя, говорила военная докторша. Мы в ручей ходим, за деревню. И белье там стираю. Вода там хорошая, вкусная, а колодец немцы испоганили.

— Ну, для радиатора и такая сойдет, — сказал юноша, доставая ведро из кузова.—Пойдем, Татьяна.

— А Степушка-то пускай со мной побудет,—проговорил усатый, лаская мальчика.

— Только не балуй тут,—строго сказала Татьяна, вытирая ладонью лицо Степушки.

Она ушла с юношей по тропинке, а усатый взял на

руки Степушке, усадил его на пружезик и сам забрался туда.

— Ну, Степан, рассказывай, брат, как тут жизнь? Стало быть, померла твоя мамка? Тебе жалко мамку? А?

Степушка проглотил хлеб и быстро зашептал:

— Кричала она, а Таня ей воды дала... Она попила и заснула... Я с мамкой спал. Я проснулся, а она все спит и спит. Я будил ее, а она молчит, а Таня заревела... Мне плакать не дает, а сама заревела... Мамку закопали в ямку, и мне докторна дала конфетку. Красенькая такая, сладкая-сладкая...

— Плохи, брат, дела твои, Степан, без мамки, — задумчиво промолвил усатый. — И сестричка твоя еще недоросточек и топонькая, словно былиночка...

— Докторна ее молоточком стучала. Черненький такой молоточек. И совсем не больно... Докторна говорила: «Дыни, Таня, дыни», а я смеялся. — Степушка улыбнулся: — Она Таню стучает, сама головой качает, смешная такая, и Тане сказала: «Женщина ты»... Это старые бывают женщины, как мамка...

Усатый слушал лезет мальчюшка и думал о чем-то, покручивая черный ус, нахмурив брови.

— Как же вы так жить будете? — спросил он.

— Докторна сказала: машина придет, я с Таней поеду далеко-далеко. Нас повезут в большой-большой дом, и мы будем обедать, каждый день... И конфетку дадут сладкую-сладкую, — Степушка даже зашмырился от удовольствия.

Юноша возвратился с Таней, неся ведро воды.

— Ну, Кокорев, наглядел я там местечко хорошее, у ручья. Заправим машину, выгоним и туда свернем. Каши сварим. Есть хочется да и ребятишек покормим.

Через полчаса машина тронулась с места, взобралась на гору. Дети сидели в кузове, и Таня указывала, как лучше проехать к ручью. Он извивался в низинке, среди белых песчаных берегов, поросших ивняком.

Юноша развел костер, повесил над ним котелок с водой.

— Хорошее место,—сказал он, вытирая лоб грязным платком.

— Дай-ка я постираю платочек,—предложила Таня.

Усатый дал ей кусочек мыла и свой платок. Таня присела на корточках к воде и делозито принялась за стирку.

— Отчего же сердце оборвалось у твоей мамки?—спросил усатый.

— От немцев намучилась она. Они такие охальники, покою от них не видали... Пьяные придут, давай пристаивать к мамке. «Дожись!»—кричат и на постель показывают, а сами речочут... Мамка отбивается, кричит да разве с ними справишься... Рыжие, здоровенные...

— А вы... как же вы-то?—вздвинув, спросил юноша.

— А мы что ж? Выйдем со Степушкой на огород и сидим дотемна... Немцы уйдут, и мы домой. А то раз ночью заявились, и опять за свое... Мы со Степушкой на печке лежали... Тогда наша изба еще не сгорела. А как сожгли немцы избу, то в землянке жили...

Юноша смотрел на Таню, и губы его мелко дрожали, а в глазах стоял ужас. Было странно не то, что услышал он, а то, что об этом рассказывала девочка с острыми чертами лица, было страшно слы-

14-47
нать ее бесстрастный голос. Он потрясал юношу сильнее, чем взрывы бомб, снарядов и мин, к которым он уже привык за год войны, страшнее, чем груды мертвых тел, по которым проезжала его машина, груженная снарядами.

Усатый сидел неподвижно у костра, обхватив руками колени, и по напряжению побелевших пальцев было видно, что он сжимает их всё сильнее и сильнее, словно поймал что-то, сдавил и не выпускает, всё давит и давит до боли и хруста в толстых, замазанных пальцах.

Таня выстирала платки и развесила их на ивовом кустике, потом подвела к ручью Степушку, умыла его лицо и руки. Вода в котелке вскипела и вышлекивалась на огонь. Шипение костра пробудило усатого от оцепенения. Он насыпал в котелок крупы, соли, открыл коробку с консервированной рыбой, нарезал хлеба.

— Ешьте, ребята, пока каша сварится, — сказал он. — Садись, Николай.

Но юноша не стронулся с места, он стоял и в тревожном смутении смотрел на девочку с бескровным, прозрачным лицом. Таня сидела у костра, подпирая правой рукой острый подбородок, утвердив локоть на левой руке, охватившей пруть, и эта поза, занимавшая у деревенских старух, и строгие глаза ее, устремленные на Степушку, и платок, повязанный уголком, спущенный на лоб, — всё было преждевременно взросло в облике этой маленькой женщины, видевшей самое страшное из того, что происходит с людьми на войне, что оставляет в душе их на всю жизнь незаживающую рану.

Отв. за выпуск Н. Богданова Корректор Н. Прижевальский.
№ 24133 18/VIII 1943 г. Тираж 50.000. Цена 5 коп. Заказ № 4609.
Саратов. Типография газетно-журнального издательства Обкома ВКП(б).

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

355567